

SLAVICA HELSINGIENSIA 35
С любовью к слову
Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday
Ed. by Jouko Lindstedt et al.
Helsinki 2008
ISBN 978-952-10-5136-4 (paperback), ISBN 978-952-10-5137-1 (PDF), ISSN 0780-3281

Геннадий Обатнин
(University of Helsinki)

«Поэзия грамматики»¹

*А много ль в языке такой чуши,
чтоб сама
колокольчиком
лезла в уши?!!*

Владимир Маяковский

Словарь шумит на перекрестке

Лев Лосев

В школьном преподавании к так называемым разносклоняемым именам существительным относятся десять слов, оканчивающихся на *-мя*: *бремя, время, вымя, знамя, имя, пламя, племя, семя, стремя, темя*, а также существительные *путь* и *дитя*. Грамматика академическая добавляет устаревшее *польмя*, с которым исключений становится тринадцать. Слова с окончанием на *-мя* к среднему роду, они склоняются по третьему женскому склонению (т.е. как *мышь, ночь, рожь* и т.д.) (Шведова и др. (ред.) 1980, 483). Из первых десяти шесть рифмуются между собой, а *племя* и *пламя* составляют диссонансную пару («корневое склонение» по В. Хлебникову). *Имя* и *вымя* также составляют рифму, так как в русской поэзии, как и в русской фонологии, *и* и *ы* считается одной фонемой. Кстати, рифмы, подобные этой, послужили одним из аргументов для Р. Якобсона, чтобы определить «звуковую фактуру стиха» (рифму тоже) как оперирующую с фонемами, а не со звуками (Якобсон 1979, 177). Наконец, *знамя* и *пламя* тоже рифмуются.

Литераторы многократно использовали рифменный потенциал этого списка. Невольно приходит на ум, что эти рифмующиеся исключения

¹ Приношу свою искреннюю благодарность Г.А. Левинтону, а также организаторам и слушателям V Летней школы «Русская литература: история, поэтика, интерпретация» (Поляны, 2008) за ряд полезных указаний и находок.

именно en bloc попадают в стихи². Например, относительно «Элегии» А. Введенского («Они отсчитывают время, / они испытывают бремя, / пускай брэнчит пустое стремя») эта мысль уже высказывалась М. Мейлахом (Мейлах 1998, 691). Если верить подсчетам А. Бабакина, то у Бродского рифма на *-емя* исчерпывается набором *бремя/время/племя/семя/темя* (Бабакин 1998, 101)³, у Цветаевой, кроме *бремя/время*, есть еще ассонанс (*над*) *всеми* (Бабакин 2000b, 126). Среди прочих несомненных недостатков этих двух словарей надо отдельно отметить отсутствие ключа к стихам, но в других его опусах дело с этим обстоит чуть лучше. Например, в словаре рифм Мандельштама даны хотя бы ближайšie контексты: *роковое бремя/сумрачное бремя* (Бабакин 2005, 97). Другие цитаты из него же – *немеющее время, взволнованное племя* и *измученное темя* – также легко восстанавливаются. Мандельштам отдал дань тому же ассонансу, что и Цветаева: *семя (золотое)* рифмуется у него только со *всеми*. Рифма *время/бремя* привлекла такого мастерового, как Маяковский (Бабакин 2003b, 137). В поэзии Пастернака, если продолжать говорить о точных рифмах, а не об ассонансах (*гареме, эпидемий*), к этой паре присоединяется *племя* (Бабакин 2004, 131), Евтушенко к пастернаковскому набору добавляет *семя* (Бабакин 2000a, 106). Про поэтов середины века надо вести отдельный разговор: Ахмадулина, например, срифмовала *пламя* и *лампа* (Бабакин 2002, 54).

Очевидно, что у списков из примеров на определенные исключения есть эстетическое измерение. Его можно найти даже, например, в сборниках ответов на упражнения по языку. Читательское сознание XX века, особенно после Хармса и Введенского, с удовольствием принимает такие тексты, как: «Здесь торгуют соловьями. Луга орошаются ручьями. Травы истреблены муравьями. Вишни поклеваны воробьями... Сестра страждет зубами»⁴ (упражнение на творительный падеж, Греч 1843, 19, ср. «каталог» Л. Рубинштейна «Мама мыла раму»). В русской и международной практике преподавания языков существовали и существуют мнемонические паралитературные тексты и так называемые «псевдовысказывания», написанные для запоминания трудных грамматических правил (см. Норман 2005, 67–82). Этим многократно пользовались писатели: например, один из трех эпитафий к

² Ср., например, также взятую наугад из интернета безымянную сказку, где все эти слова имена действующих героев: <http://at1952.narod.ru/seeds.html>

³ Наблюдения над обыгрыванием Бродским этих «банальных рифм» в стихотворении «На смерть Т.С. Элиота» (1972) см. в работе Г.А. Левинтона «Из области поэтической филологии: Сукцессивность поэтической речи у Бродского и Якобсона (К истории одного доклада)» (Тыняновский сборник XIII, в печати).

⁴ Признаемся, что последнее предложение вырвано из другого упражнения для придания сходства с «Юнкером Шмидтом» Козьмы Пруткова.

«Школе для дураков» Саши Соколова представляет собой набор глаголов-исключений. Их перечисление превращается в довольно осмысленное стихотворение:

Гнать, держать, бежать, обидеть,
слышать, видеть, и вертеть, и дышать,
и ненавидеть, и зависеть, и терпеть

Эпиграф сопровождается пояснением: «Группа глаголов русского языка, составляющая известное исключение из правил; ритмически организована для удобства запоминания» (Соколов 1990). Это косвенным образом растолковывает замысел автора: роман Соколова посвящен сознанию дурака, тоже своего рода «известного исключения». Представляется, что Соколов здесь мог ориентироваться на В. Набокова, поставившего эпиграфом к роману «Дар», точную, как сверили комментаторы, цитату из гимназического «Учебника русской грамматики» П.В. Смирновского (Набоков 2000, 639): «Дуб – дерево. Роза – цветок. Олень – животное. Воробей – птица. Россия – наше отечество. Смерть – неизбежна» (Набоков 2000, 191). Отметим, что внимания заслуживает и школьная (гимназическая) литература. Например, в начале XX века существовала «весенняя фантастическая опера с превращениями, провалами и апофеозом», принадлежавшая перу С.М. Надеждина и В.Р. Раппопорта «Иванов Павел», где была ария персонажа по имени «Русский язык». Его внимание было сосредоточено на правилах написания буквы ъ («Кто не знает буквы ъ, буквы ъ, буквы ъ – / Только где ее писать, где писать, да... и т.д.»)⁵ (приведена в ст.: Успенский 2002, 535, другой пример на это правило см. в: Норман 2005, 73). Мнемонический потенциал «псевдовысказываний» использовался и в других науках – достаточно напомнить известную фразу *Каждый охотник желает знать, где сидит фазан*, первые буквы которой обозначают цвета спектра (об этом и подобных случаях см.: Норман 2005, 76).

Однако роль школьного или гимназического образования в разные эпохи становления литературного языка была разной. Если для Введенского затверженный в школе список исключений мог играть роль, то в случае с Пушкиным дело обстоит иначе. Русский литературный язык его времени был еще достаточно нестабилен, чтобы легко подчиняться авторитарному подходу. Лингвистическая мысль того времени была занята по преимуществу вопросами лексики и фразеологии (Gasparov 1984, 300–301). «Создатель русского литературного языка», об-

⁵ Указанием на эту работу мы обязаны Г.А. Левинтону, который, выступая на XIV Тыняновских чтениях (август 2008 г.), привел строки из оперы со списком слов на ъ, в качестве подтекста для упомянутого стихотворения Введенского («посмотрите, вот орёл / брёл и цвёл и приобрёл»).

ращавшийся за словарными справками к Жуковскому, в статье «Опровержение на критики» (1830) вполне считал себя вправе аргументировать использование формы множественного числа *цыганы* и *татары*. Здесь же он среди пяти справедливых грамматических ошибок, замеченных у него критикой, поместил слово из нашего списка: «на теме гор» («на теме полунощных гор» из третьей главы «Руслана и Людмилы»). Г.О. Винокур, разбирая этот случай, отметил, что поэт, исправив в переиздании поэмы строку, зазвучавшую теперь как «на темени полнощных гор», тем самым признал, что все-таки разговорное употребление считалось ошибкой (Винокур 1959, 192–193). Хотя «...в пушкинское время влияние нормативной грамматики на литературный язык было гораздо более слабым, чем впоследствии» (Винокур 1959, 193).

Но список разносклоняемых исключений в пушкинское время никто в школе и не заучивал. В «Практической русской грамматике» Н. Греча он не выделен, а все существительные на *-мя* он объединены в разновидность второго склонения (существительные среднего рода на *о*, *е* и *мя*), где только отличия в склонении для слов *путь* и *пламень* оговорены специально (Греч 1834, 55, 64–64)⁶. Из грамматик, современных Пушкину, только в «Русской грамматике» А. Востокова обособлялся искомым список существительных, в который автор, кроме формы *полюмя*, включил еще два из числа слов *pluralia tantum*, *письмена* и *рамена*, имевшие в «словенском» единственное число *письма* и *рамо* (Востоков 1831, 13, 35). Но грамматикой Востокова, принадлежавшей к разряду текстов научных, в школах не пользовались. Если заглянуть в тексты этой традиции, то можно заметить, что еще М. Ломоносов выделял слова среднего рода с окончанием на *-я* в особое (третье по его классификации) склонение, причем разделял их на те, что имеют букву *м* перед *я* (это наш случай), и все остальные (например, *жеребя*) (Ломоносов 1755, 74–75).

Но особый интерес исключения представляли для создателей идеологических грамматик. По мнению Б.М. Гаспарова, появление небольшой книги К. Аксакова «О русских глаголах» (1855) обозначило принципиально новую стадию в рефлексии над языком, «эпоху 1860-х» (Gasparov 1984, 301). Начинается эта книга уже с заявления, что русский глагол сопротивляется иностранному духу в его истолковании. Этим духом может быть полон и русский человек (Ломоносов), как и русскому духу вполне может быть приобщен человек иностранный. На первый взгляд, Аксаков, как и, например, В.И. Даль, твердо стоит на почве строгого эмпиризма: лексический состав языка для него не де-

⁶ Так же подавались слова на *-мя* и в Глазунов 1837, 18–19, а также, например, в Охотин 1846, 15.

лится на литературный, диалектный и т.д. Здесь кроется идейная основа для отмеченного Гаспаровым (Gasparov 1984: 302, 304) интригующего схождения между идеями национально мыслящего философа, каковым заявляет себя Аксаков, и требованиями реализма, исходившими из радикально противоположного лагеря. С точки зрения русского духа у русских глаголов нет категории времени, а есть «определение самого существа действия». Глагол, описывающий движение вообще (*двигать*) относится к настоящему, его «форма мгновенная» (*двигнуть*) – к будущему, а «многомгновенная» (*двигивать*), разумеется, к прошлому (Аксаков 1855, 15). Внутренняя логика этого объяснения состоит в том, что будущее ведь не может быть представлено (т.е. мыслено) как ряд моментов, поскольку следующего мгновения еще нет. Термин *вид* Аксаков предлагает упразднить, заменив термином *степень*, заимствуя его из работ протоиерея Герасима Петровича Павского, который получил у него характеристику «до сих пор не оцененного вполне по заслугам» (Аксаков 1855, 18). Тогда все глаголы будут делиться на три степени, неопределенную, однократную и многократную (т.е. на инфинитив, совершенный и несовершенный виды). Для последней Аксаков, руководясь русским духом, спокойно придумывает пример: *бывывал* (Аксаков 1855, 36). Позже эту теорию корректировал Н. Некрасов, который свое сочинение предварил обращением к Ф. Буслаеву, где упрекал последнего в пренебрежении «богатством собранного материала» живой речи (Некрасов 1865). Гаспаров удачно назвал подобную практику, характерную для этого круга авторов (Аксаков, Некрасов, Богородицкий), «mythologized positivism» (Gasparov 1984, 320).

Для К.С. Аксакова филология виделась наукой со своим объектом исследования (словом). Но не материальной наукой, которую он называет «анатомической», а такой, которая доходит «до пределов таинственного», и где допускается «мистический элемент» (Аксаков 1860, VI). Его «Опыт русской грамматики» (отд. изд. 1860, вошел с добавлениями в посмертное «Полное собрание сочинений», т. III, 1880) погружен в натурфилософские размышления. Так, обозревая звуки мира, он объяснял сущность *ера*: «Ни внешний, ни внутренний, ни неорганический, ни органический звук не были достаточны в своей отдельности для выражения полноты бытия, для сознания, ибо в бытии является соприкосновение внутреннего и внешнего. Итак, звук в том виде, как доселе, явился он в природе (т.е. порознь, как внешний, и как внутренний) должен был отвергнут и прекратиться. Природа должна была умолкнуть на рубеже сознания. Это молчание природы должно было выразиться в беззвучии, равно отвергающем оба звука, следовательно признающем *отрицательно* их существование и соединяющем их в этом общем отрицании. Итак, здесь является первое соединение и того и другого звука, но здесь оба они *соединено отвергаются*. Это первое,

еще отрицательное соединение звука неорганического и органического, являющегося беззвучием – есть первая *буква*: Ъ, буква и названная безгласною» (Аксаков 1860, 9).

На этот «тяжелый», «педантский» язык, «происшедший не от незнания или неспособности, а, вероятно, от старания писать темно и высокопарно, в надежде, что этот слог будет почтен названием философского», автору попенял Н. Греч, написавший (за подписью «Бывший учитель») на книгу Аксакова разгромную критику (Греч 1860, 4). Кроме стиля, другим объектом критики Греча была произвольность «этимологических» (как тогда называли морфологические) изысканий Аксакова. Его рассуждение, что окончание женского рода – на *a* потому, что это самая полная, гармоническая и оконченная гласная, а буквы *ь*, *й* оправдывают безгласное *ь*, вызывают язвительное замечание Греча, что несчастный *ь* (полугласный, по Гречу) «противоборствует требованию нынешнего времени – *гласности*» (Греч 1860, 16). Греч отметил важную особенность аксаковского «эмпиризма» – широкое внедрение на равных правах индивидуальных окказионализмов. Например, он издевается над интересом Аксакова к именам уменьшительным, признаваясь, что многих из них он и не слышал: *злодеец, парниша, мальчиша, дочуша, братишена, рученка, ручуша* (Греч 1860, 23). А рассуждение Аксакова, что буквы *ы*, конечно, нет в других языках, но если быстро произнести французскую фразу *roug dormir, il y a un lit* (для сна существует кровать), то можно ее расслышать, вызывает уже эмоциональную апострофу Греча: «Помилуйте, Константин Сергеевич! Может быть, на Козихе эта фраза произносится: *пур дормиры-ля эн ли*. Но в устах Француза, в слове *il* – чистое *i*. Вы, как видно из объявлений в Московских Ведомостях, думаете ехать за границу, и конечно, как и все ненавистники Запада, будете в Париже: потрудитесь заставить произнести эту фразу какого-нибудь трактирного гарсона, и услышите, будет ли тут наша отечественная буква *еры*» (Греч 1860, 25).

Одной из идей Аксакова было обязательное наличие в языке только двух родов, без всяких исключений, поскольку «на низшей степени природа безродна; на высших степенях она имеет род мужеской и женской» (Аксаков 1860, 41). Ассоциация грамматического рода и реального пола чрезвычайно характерна для грамматик немецкого романтизма (Гердер, Гримм, Гумбольдт, Якоби, см.: Гин 1992, 17). Поскольку все укоренено в природе, то, соответственно, не может быть ни общего рода, ни разносклоняемых существительных. Идею эту, несмотря на всю ее забавность, Аксаков целиком позаимствовал у Павского, который в своих «Филологических наблюдениях над составом русского языка» (1842, второе издание 1850) ввел понятие «бесчленных имен»,

т.е. имен без признаков рода (Павский 1842, 182)⁷. «Наш язык», – замечал Павский, «имея сильное отвращение от бесчленных имен, разместил имена сей бесчленной породы по разным породам членным». Не размещенными остались только наши исключения на *-мя* (Павский 1850, 208). Поэтому и Аксаков пишет: «Есть еще слова, принадлежащие к среднему роду; это: имя, племя и прочие. – Но, по моему мнению, *я* пишется здесь неправильно. Слова эти имеют в польском языке и в древнем церковно-славянском носовой звук и пишутся в церковно-славянском через *ѧ*: что совсем не одно с *ѧ*. Этот носовой звук, можно подумать, проявился здесь – именно тем, что эти слова в косвенных падежах имеют *н* (*име-н-и*); а иные из них имеют даже другую, особую, отсюда образовавшуюся форму; напр. *пламя* и *пламень*. Но мы объясняем это иначе (см. ниже). Носовой звук произносился здесь почти как *ен*; поэтому, как скоро язык наш, которому противно гнушение, выговаривал ясно слово, то носовой звук – если и предполагать оный – не мог удержаться, и точно также не могла остаться буква *я* (*ѧ*), которая в этом только виде своем у нас существует, буква, не соответствующая тут находящейся, носовой *ѧ*, и имеющая такой ясный, чистый и определенный звук. Носовой звук должен был быть откинут, и слово явилось в своем тематическом виде; напр.: *име, племя*» (Аксаков 1860, 49). Далее Аксаков возвращается к этим примерам, настаивая, что эти слова имеют и тематическую и суффиксальную форму (*време, время, време, времю, времем* и т.д. – *времень, времени, временем* и т.д.; *стреме – стремень* и т.д.), буква *я* «есть одно начертание» из-за смешения *я* и малого юса, а на самом деле там должно быть *е* (Аксаков 1860, 156). Аксаков широко использует в качестве примеров диалектизмы, считая, что «язык народа нашего <...> несравненно древнее и богаче языка, которыми ограничились *мы* свое слово, то есть: люди, т. н. образованные» (Аксаков 1860, 157). Например, народ говорит «*време, стремено*». Сам Аксаков по мере сил старался этому соответствовать: еще в университете он, читая при министре С. Уварове доклад о Державине, поставил в заслугу классику использование слова «морда», а на выпускном сочинении по литературе получил нарекания за употребление просторечного «нынче» (Аксаков [s.a.], 34, 38). Кстати, сочинив в 1835 г. стихотворение ко дню 20-летия университета, он использовал и знакомые нам рифмы: «Когда Создатель жизни бремя / На человека возло-

⁷ Попытки введения новых терминов не только были характерны для того времени, но и составляли важную часть практики самого Павского. Например, в рецензии на первое издание «Грамматики» Н. Греча он предлагал отвергнуть «недавно и не очень удачно выдуманное название букв плавных». Видимо, термины Павского, скопированные из латыни, звучали для него фундаментальнее: плавные он называет либо *жидкими*, либо, в крайнем случае, полусогласными, оставив за остальными согласными название *немых* (Павский 1887, 6–7).

жил, / То разума святое семя / В его главу он заронил» (Аксаков [s.a.], 25). Добавим еще, что, по мнению Аксакова, слова на *-мя* по своему происхождению – страдательные причастия: *семя* от *сеемо*, *письмо* – *писомо*, *пламя* – *плаемо* (Аксаков 1860, 161). Последнее соображение он также (опять не сославшись) позаимствовал у Павского, для которого глагольное происхождение слов *пламя*, *знамя* и *семя* самоочевидно (от *пылать*, *знать* и *сеять*, Павский 1850, 210), а для остальных он его разными способами реконструировал. Например, *имя* он через латинский, греческий и санскрит объявлял родственным отглагольному существительному *знамя*, *вымя* возводил к латинскому *sugo* (*сосу*), слово *племя* объявил родственным глаголу *плодить*, и только глагольные корни слов *время* и *темя* «от нас скрылись» (Павский 1850, 211–212).

Для справки скажем, что современная университетская историческая грамматика, конечно, придерживается несколько иных точек зрения. Единственно, в чем она совпадает с Аксаковым, так это в признании, что носовые звуки, действительно, исчезли из русского языка еще до появления старейших из известных текстов, до IX в. (Горшкова & Хабургаев 1997, 60). Русскому языку в самом деле «противно гнушение». Происхождение слов на *-мя* объединяет их вместе с другими словами, в склонении которых сохранились индоевропейские словообразовательные аффиксы *-men*, *-ent*, *-(e)s*, например: *семя-семена*, *порос-поросята* или *тело-телеса* (Горшкова & Хабургаев 1997, 163). *Племя*, *семя*, *бремя*, *время*, – все в старославянском писались с юсом на конце. Кроме слова *пламы*, *пламень*, которое относят теперь к другому древнерусскому склонению (как *днь*, *ремень*, *ячьмень*). Его мужской род расценивается как «бесспорный церковнославянизм» (см.: Старославянский словарь, 448), если принять во внимание наличие в памятниках письменности таких слов, как *поломя* или *пламе* (Горшкова & Хабургаев 1997, 166). Образовалось «вторичное» склонение слов на *-men* в результате совпадения падежных окончаний с окончаниями другого склонения и прочно закрепилось в системе книжно-литературного языка, перейдя и в современный русский (Горшкова & Хабургаев 1997, 176). Именно книжный характер этого списка и обусловил появление множества ошибок в живом словоупотреблении.

Академическая грамматика приводит несколько примеров таких ошибок, когда слова из этого списка исключений не задействовали для своего склонения основу на [н']. Из них самый знаменитый, конечно, лермонтовское «Из пламя <вместо *пламени*> и света рожденное слово», но и Л. Толстой обмолвился «пестрой, с огромным выем <вместо *выменем*> коровой». Классическая ошибка «сколько время?» тоже относится сюда (Шведова и др. (ред.) 1980, 492). Винокур, разбирая ошибку Пушкина, строку «любви не зная бремя», объяснил ее тем, что здесь

использован родительный, а не винительный падеж, потому что «...слова на *-мя* в литературном языке конца XVIII – начала XIX в. склонялись, как в живом просторечье, без изменения основы, по образцу именительного падежа. Это относилось даже к таким книжным словам, как *бремя*» (Винокур 1959, 191). Далее ученый привел примеры из Княжнина и Державина на *бремя*, и заодно уж из Державина, Дмитриева и Лермонтова на *пламя* (цитата из последнего, конечно, та же, что приведена выше) и на *темя* из Крылова и Муравьева (Винокур 1959, 192). Грань между ошибкой и словотворчеством весьма тонка. Например, предвоенный ленинградский поэт А. Ривин с точки зрения орфографии делает ошибку – надо признаться, удачную:

Ты улыбаешься устало.
От нетерпения крестами
Прядут соборные темёна.
О, предпрощальное молчанье!
О, терпкий пафос расставанья,
Развезанный в пустом вагоне. (Ривин 1989, 182)

Подразумеваемая рифма к несуществующему слову *темёна* (т.е. купола, темя церкви)⁸, конечно, не *вагоне*, а *знамена*. Если следовать логике Аксакова, раз Ривин был носителем языка, можно включить его словоформу в словарь – но, если следовать логике более принятой, только в словарь языка Ривина. Размышляя над поэтикой Маяковского, Винокур обратил внимание на эстетику «низовой городской речи», заключив, что «...фамильярной речи бывает свойственно повышенное, интенсивное переживание *самой языковой формы*, порождающие у говорящих своеобразные эстетические эмоции, предметом которых служит *сам язык*», что он далее называет «*неспокойным* чувством собственно языковой материи» (Винокур 1943, 127).

Пример с Ривиным ставит вопрос о возможности рифмовки наших слов в косвенных падежах, поскольку слово *знамена* инстинктивно ощущается как весьма частотная форма. Если посмотреть в обратный словарь на множественное число слов из нашего списка (*времена/племена/стремена/имена/семена*, устарелое *знамена*), то окажется, что он, кроме них же, предлагает еще только *рамена*, *письмена*, *цена* и *стена*, а к *знамёна* – сладкую парочку *гулёна* и *сластёна* и почти аксаковских *рулёну*, *дрочёну* и *утёну* (Обратный словарь, 79). А, например, рифма *временами/племенами/стременами/семенами* уникальна, если попытаться сохранить ее глубину хотя бы до шестой буквы. Впрочем, обратный словарь, зафиксировав *временами*, почему-то три

⁸ Купола, в данном случае, церкви Спаса-на-Крови в Ленинграде, биограф. коммент. см. в: Ривин 1989, 179.

другие игнорирует (Обратный словарь, 207). Рифмовать эти слова во множественном числе пытался Н. Карамзин:

Брегов, где прежде обитали
Орды Златыя племена;
Где стрелы в воздухе свистали
И где неверных знамена
Нередко кровью обагрялись
Святых, но слабых христиан («Волга», 1793, Карамзин 1966)

Косвенным свидетельством того, что Карамзин делал это осознанно, может послужить пример с рифмой на слова *имя* и *время*, только во множественном числе и возможной:

Там после, в наши времена,
Кровь двух любовников струилась:
Известны свету имена
Фальдони, нежные Терезы; («Алина», Карамзин 1966)

Обратный словарь русского языка дает разгадку пристрастия поэтов к этому списку исключений: кроме входящих в него слов, других существительных на *-мя* в именительном падеже в русском языке нет (Обратный словарь, 784)⁹. В таком случае усилия языковедов и поэтов можно представить как две параллельные и, по крайней мере, в ряде случаев независимые попытки освоения или осмысления десяти исключений на *-мя*. Можно сказать, что сам язык говорит в рифмах, использующих эти слова, или, переходя на структуралистскую терминологию, здесь проявляется его эстетическая (или поэтическая) функция (то же самое можно сказать и о презираемых глагольных и грамматических рифмах в целом). Авторы недавней работы об истории «рифмопары» *Европа/жона* (второй член которой изящно ни разу не назван в тексте работы) совершенно справедливо указывают на то, что рифменные клише зачастую уже представлены в языке, это факты не столько литературные (Лейбов & Степанищева & Фрайман 2008, 598) – ситуация, близкая к паронимии в языке и аттракции паронимов в стихе. Коль скоро выражение «поэтический язык» не метафора, он должен обладать и своими собственными законами, которые пытались описать русские формалисты. Легитимность окказионализмов в поэтическом тексте (*темёна* Ривина) – одно из проявлений этих законов. Можно сказать, что когда Аксаков в своем немецко-славянофильском¹⁰ рвении

⁹ Нам пока не встретилось разноударной и/или составной рифмы *стрёмья/стремья/сремя*, но мы не теряем надежды.

¹⁰ Из немцев здесь, конечно, приходят на ум работы В. фон Гумбольдта и популярная в России книга Беккера «Организм языка», 1841. Сам Аксаков ссылался на грамматику Боппа.

найти специфический дух русского языка равноправно включает окказионализмы и диалектизмы в его лексический состав, он ведет себя как литератор. Он стремится создать некий субязык, аутентичный для Volkgeist и сравнимый с поэтическим хотя бы по наличию в нем собственных законов. В нашем случае следствием таких законов будет семантизация рифменных пар. Заранее кажутся заданными смысловые и даже идейные коннотации и в такой «классической» рифме, как *кровь/любовь*¹¹. Недаром Вл. Гиппиус писал в литературной ситуации, когда семантика рифмы уже ценилась большинством поэтов: «Или случайно: «ключ и луч» – созвучны, / «Любовь и кровь» – так дивно неразлучны?» (Гиппиус 1916, XLVI сонет). Отметим, что особый интерес в этой связи будут представлять рифмопары, предварительный смысл которых либо отсутствует, либо не столь очевиден (см., например: Лилли 2006, 309–324). В самом деле, каждая из цепочек, *время/бремя, время/стремя* или *время/племя/семя*, если рассмотреть ее с эстетическим заданием, содержит in nuce определенный сюжет. Но развитие их определяется уже законами литературы.

Как было показано в ряде работ группы по изучению поэтической речи в Институте русского языка, эволюция русской рифмы в течение XVIII – XX в. с фонетической стороны заключалась в бегстве от точности к ассонансу и далее к диссонансу, а в плане семантическом – ко все большей смысловой обусловленности. Стихотворная строка, наоборот, стремилась к фонетической спаянности, стремясь превратиться в единый звуковой комплекс и теряя при этом в осмысленности. Попытка А. Крученыха собрать коллекцию фонетических ляпсусов в своей известной «Сдвигологии» принадлежит к поэтическому сознанию XX в. Фонетическое слово *вымени* в первой строке знаменитого «Что в имени тебе моем?» (1830) было не слышно в пушкинскую эпоху. *Вымя* вообще не могло попадать в поэтические тексты XIX в., кроме шуточных или «похабных», поскольку осознавалось как сугубый прозаизм. Поэтому любое его появление в поэзии маркировано. Например, в «Заблудившемся трамвае» Н. Гумилева оно эмоционально соответствует катастрофе главного героя:

В красной рубашке с лицом, как вымя,
Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими
Здесь в ящике скользком, на самом дне. (Гумилев 1988, 331)

¹¹ Пока, к сожалению, нам осталась недоступной работа: Фрайман, И. 1998. Рифменное клише 'любовь – кров' в русской лирике 1820 – 1830-х гг. В кн. *Русская филология*. Тарту. 9.

На этом же эффекте построен эпатаж в стихотворении экспрессиониста Ипполита Соколова «Губы», первая строфа которого удивительно напоминает одну из работ современной фотохудожницы-концептуалистки Т. Либерман (см.: <http://www.frei.ru/golos/Liberman.jpg>)¹²:

Из книги «Энциклопедия любви»
Сочны влажные губы,
Как дыни с вырезанным ломтиком,
И кашицей семян сквозь зубы
Вываливающиеся слова... А впрочем, не о том...

Губы мои – отвисшее *вымя*,
Их бы доить и доить бы – и слова потекут.
А губы твои, как надтреснутая *дыня*,
Сброшенная с баржи в тюлевую из платьев реку.
(Очеретянский, Янечек 1995, 265)

В стихотворении В. Маяковского «Не увлекайтесь нами» (1929) находим редкий случай рифмопары *имя/вымя*, причем сразу и в невыразительном именительном, и в запоминающемся родительном падежах:

Если тебе
 «корова» имя,
У тебя
 должно быть
 молоко
 и вымя.
А если ты
 без молока
 и без вымени,
то черта ль в твоём
 в коровьем имени!
(Маяковский 1958, 155)

Стихотворение Маяковского знакомо моему поколению по своим финальным строкам, часто украшавшим «красные уголки» в советских школах: «Если тебе – комсомолец имя, имя крепи делами своими!». На самом деле оно принадлежит к кругу текстов «антибогемной» компании, развернувшейся с середины 1920-х гг. (подробнее о ней см.: Яковлева 2007, 559–565): «А если / только / сидим в кабаке мы, / это

¹² Слова *бремя* и *семя* у Екатерины Бакуниной также приобретают по-женски конкретный смысл: «Пятого ложа священное бремя – / Мы носим покорно во чреве дитя. / Хотя б с ненавистного приняли семя, / Но плод мы полюбим, родив и роста (стих. «Наложницы», Бакунина 1931, 145, ср. также стих. «Бремя», а также «Беремя», Бакунина 1931, 139).

носит / название „богема“». Грамматический параллелизм строк про корову и комсомольца (анафора «Если тебе...»), обрамляющих стихотворение, подчеркивается разницей в рифмах между банальной, грубоватой и точной парой *имя/вымя* и гумилевским (по типу использованного в «Заблудившемся трамвае») ассонансом *имя/своими*. В стихотворении «О поэтах» (1923) Маяковский уже высмеял «нэп» в поэзии, выражавшийся в традиционных рифмах *кровь/любовь* и *тень/день*. В этот ряд могли вставать и слова из нашего списка. Например, в стихотворении «1-е мая» (1923) он в качестве поэтической банальности привел в том числе и рифмопару *пламя/знамя*:

Поэты –
 народ дошлый.
Стих?
 Изволь.
 Только рифмы дай им.
Не говорилось пошлостей
больше,
 чем о мае.
Существительные: Мечты.
 Грёзы.
 Народы.
 Пламя.
 Цветы.
 Розы.
 Свободы.
 Знамя.

(Маяковский 1957, см. также: Винокур 1943: 27–29)

Далее в тексте следует также список прилагательных и глаголов, столь же подходящих для прославления нового советского праздника Первомай, сколь и для стишков о мае как о весеннем месяце влюбленности.

Пламя, если оставить это слово в именительном падеже, ни с каким иным словом, кроме *пламя*, рифмоваться и не может. Неудивительно, что у Пушкина *знамя* рифмуется только с *пламя* (3 случая, из «Евгения Онегина», стихотворений «Герой», 1830, и «Везувий зев открыл – дым хлынул...», 1834) (Shaw 1974, 395). У Батюшкова нет *знамени* в рифменной позиции, а *пламя* нет вообще, только книжный *пламень* и его производные, а у Баратынского, поэта следующего поколения, один раз, в поэме «Цыганка» (Shaw 1975: 1, 98). Но в стихотворении Карамзина «Песнь воинов», написанном, как явствует из подзаголовка, в 1806 г. и естественно направленном против Галлов, рифма задает патриотический сюжет:

Нет, нет! у нас святое знамя,
В руках железа, в сердце пламя. (Карамзин 1966)

Эстафету патриотической рифмы подхватил Ф. Тютчев, у которого *пламя*, рифмуясь поневоле с *знамя*, использовано в политическом стихотворении «Знамя и Слово» (1842).

Впрочем, можно найти попытки обыграть облигаторность этой рифмы. Михаил Леонидович Лозинский, переводчик и поэт, был мастером стиха. Ахматова в мемуарном выступлении, озаглавленном в первой публикации «Слово о Лозинском», назвала его находки чудом. Она имела в виду переводы Лозинского и ее мнение можно счесть справедливым, если взглянуть на рифмы хотя бы в переводе «Собаки на сене»: звали/едва ли/вялый/залы, а далее: мямли/там ли; замуж/сам уж и др. (Вега 1938, 5, 7, 8). В сборнике Лозинского «Горный ключ» помещено стихотворение 1909 г. «Ты снова вернулась...», где по-блоковски изображается возвращение «неги» в душу героя из-за начала метели. Завершается стихотворение так:

В расшитой лучами
Жемчужной пустыне,
Как прежде, червонны
Мгновенные всходы.

И вечер. И своды
Хвои убеленной.
И дальней святыни
Чеканное пламя... (Лозинский 1916, 17)

Поскольку здесь рифмовка построена симметрично (как и в других парных четверостишиях этого текста), рифмы, соответственно, следующие: *всходы/своды*, *убеленной/червонны*, *святыни/пустыни* – и *лучами/пламя*. Расстояние между ними постепенно увеличивается и последний ассонанс разнесен по настолько отстоящим друг от друга строкам, что слово *пламя* воспринимается одиноко. Одинокое *пламя* невольно вызывает в памяти рифму *знамя*, что поясняет появление слова *святыня* в предыдущей строке.

Если рифма *знамя/пламя* навязана самим языком, то *бремя/время* получила широкое распространение и по причинам историческим. У К. Батюшкова *время* рифмуется только с *бремя* (Shaw 1975b, 2, 89), а у Е. Баратынского рифмуются вообще только три слова из всего списка: *время*, *бремя* и *племя* (Shaw 1975a, 1, 111). Если заглянуть в словарь рифм Пушкина, то в глаза бросится, что абсолютным рекордсменом по частотности будет именно рифма *время/бремя*. В этом можно увидеть и фонетическую подоплеку: оба слова отличаются друг от друга лишь одним звуком, точнее даже – одним движением губ (один начальный

консонант – губно-зубной, а другой – губно-губной). У Пушкина все слова из списка на *-мя* (*племя* 4 случая, *стремя* – 3, *семя* – 2 и *темя* – 1) рифмуются только со словом *время*, а между собой – нет (Shaw 1974, 453). Это означает, что рифмопары *племя/стремя* у Пушкина нет, как нет и рифмы *семя/темя*. Между тем первая вполне богата и даже бурлива, имея в своем составе сочетание согласных *muta cum liquida*, а вторая по своему фонетическому устройству похожа на упомянутое *время/бремя*, поскольку звуки [с'] и [т'] содержат свистящий компонент. Видимо, для популярности необходимо сочетание как фонетических, так и смысловых характеристик. Например, в «Золотом петушке» находится единственная в поэзии Пушкина рифма *темя/время*, которую можно расценить как ключевые слова сказки.

Рифма, занимающая центральное место у Пушкина, видимо, досталась ему в наследство от поэзии XVIII в. Не станем погружать читателя в бездну примеров, хорошие возможности для поиска которых предоставляет сайт Российской виртуальной библиотеки (www.rvb.ru), где выложены сочинения ряда авторов XVIII и XIX вв. Здесь помещены списки словоформ почти по каждому из изданий, т.е. конкордансы к творениям поэта, представленным в вывешенной книге. При всей ее частотности, редкое использование этой рифмопары подвергается напрашивающейся семантизации (например, хотя бы бремя времени, тяжесть прожитых лет и т.п.). С некоторой натяжкой это можно найти в развитии темы «бремя брака», например, у А. Кантемира в пятой «Сатире» «На человека»:

Иные, в безбрачии провождати время
Не терпящи, тяжкое на ся берут бремя,
Да и отца наживут имя, им приятно,
Вздыхают потом поздно уж неоднократно. (Кантемир 1956)

Семантизация рифмы на рубеже веков могла появляться в шуточной или принципиально маргинализованной поэзии. Поэтому она органична для поэтики карамзинских «безделок». Например, в конце стихотворения «Время» (1795) не только присутствует искомая тема, но и обыгрывается идиома «убивать время»:

Все вещи разрушает время,
И мрачной скукой нас томит;
Оно как тягостное бремя
У смертных на плечах лежит.

Нам, право, согласиться должно
Ему таким же злом платить
И делать всё, чем только можно
Его скорее погубить. (Карамзин 1966)

Наследник этой традиции, Ф. Тютчев, построил свою переводную параболу «Рим» как куртуазно-светское развертывание той же темы. Император Нерон воздвигает дворец, которое символизирует *бремя Нерона*. Но это бремя оказывается ничтожным перед *бременем Времени*:

Средь Рима древнего сооружалось зданье –
То Нерон воздвигал дворец свой золотой.
Под самую дворца гранитною пятой
Былинка с кесарем вступила в состязанье:
«Не уступлю тебе, знай это, бог земной,
И ненавистное твое я сброшу бремя».
– «Как, мне не уступить? Мир гнется подо мной!»
– «Весь мир тебе слуга, а мне слугою – Время».
(1866–1867, Тютчев 1987)

К эпохе символизма тема сетований на бремя времени стала серьезной. Она появляется в стихотворении Андрея Белого «Время» (1907), где узнаваемый тютчевский зачин «ты скажешь» сохранен в качестве эмблемы философской лирики:

Так лет мимотекущих бремя
Несем безропотнее мы,
Когда железным зубом время
Нам взрежет бархат вечной тьмы
Ты скажешь – день; и день обманет. <...>
(Андрей Белый 2006, 352)

Интересно, что из сборника Белого «Урна», куда вошло это стихотворение, Блок в письме к матери от 26 октября 1908 г. отметил именно это четверостишие (Блок 1927, 226), но его собственная работа с этими рифмами заслуживает отдельного разговора. Тяжеловато-изысканный Н. Недоброво перевернул эту тему по-своему: «...Теперь – целитель дивный – время / Уже сняло с души мучительное бремя» (Недоброво 2001, 35).

В знаменитом стихотворении О. Мандельштама «Сумерки свободы», написанном в роковое время (1918), фонетическая близость слов из интересующей нас рифмопары подчеркивается появлением тавтологии:

Прославим роковое бремя,
Которое в слезах народный вождь берет.
Прославим власти сумрачное бремя,
Ее невыносимый гнет.
В ком сердце есть – тот должен слышать, время,
Как твой корабль ко дну идет. (Мандельштам 1989, 113)

Тот факт, что корабль времени тонет, кажется мотивированным именно рифмой (*бремя/бремя/время*). Похожим образом поэт накапливал звуки в стихотворении «1 января 1924 г.»: «Кто время целовал в измученное темя, – / С сыновней нежностью потом / Он будет вспоминать, как спать ложилось время <...>» (ср. далее в этом тексте игру со словами *веки/век*, Мандельштам 1989, 155). Как проявление банальности надо воспринимать появление ее в стихотворении Н. Олейникова: «Половых излишеств бремя / Тяготеет надо мной. / Но теперь настанет время / Для тематики иной». Его последние две строки, как и у Мандельштама, актуализируют ее близкую к каламбурной звуковую насыщенность: «Моя новая тематика – / Это Вы и математика» (1930?, Олейников 2000, 91).

В записных книжках А. Ахматовой помещено стихотворение «Творчество». Его вторая строка описывает свойство памяти быть пространством, а не протяженностью. В таком своем качестве время становится вечностью, теряя свою тяжесть. Приведем текст полностью:

.....говорит оно:

«Я помню все в одно и то же время,
Вселенную перед собой, как бремя,
Нетрудное в протянутой руке,
Как дальний свет на дальнем маяке,
Несу, а в недрах тайно зреет семя
Грядущего....»
1959. 14 ноября
Ленинград» (Ахматова 1996, 63)

Рифма *время/стремя* по своей подразумеваемой ассоциации с конем, символом быстроты, близка к рассмотренному кругу значений. Надо заметить, что *стремя* в значении элемента конской упряжи, не обязательно для поэзии XVIII в. Например, у Державина находим *стремя* в значении *стремнины*: «Несет свое всяк в свете бремя, / Других всяк жертва и тиран, / Течет в свое природа стремя; / А сей закон коль ввек ей дан» («На умеренность», 1792, Державин 1957). Семантизация этой рифмы также произошла не сразу. Пушкинское стихотворение «Альфонс садится на коня...» (1835–1836) как будто задает метафору «время-конь»:

Альфонс садится на коня,
Ему хозяин держит стремя.
«Сеньор, послушайте меня:
Пускаться в путь теперь не время» и т.д. (Пушкин 1937–1959)

Но контексты ее появления в лирике Пушкина совершенно не философичны. Вот из XXXIV строфы первой главы «Евгения Онегина»:

«Мне памятно другое время! / В заветных иногда мечтах / Держу я счастливое стремя.../И ножку чувствую в руках» (Пушкин 1937–1959). Появляется она еще и в «Песне о вещем Олеге», когда Олег прощается с конем: «Расстаться настало нам, время; / Теперь отдыхай! уж не ступит нога в твое позлащенное стремя». Ассоциация времени с быстрым конем у Пушкина не стоит за этим рифменным сближением.

Но с другой стороны, «ямщик лихой, седое время», рифмуясь в пушкинской «Телеге жизни» (1823) с *бремя*, создавал важный фон для дальнейшей семантизации рифмы. Она, видимо, закрепились у М. Лермонтова в стихотворении «Пленный рыцарь» (1840, опубликовано в 1841), одной из вариаций лермонтовской тюремной темы. Здесь рифма *время/стремля* несет смысловую нагрузку: в тюрьме, куда заключен рыцарь, время течет медленно, и конец текста связывается с концом его жизни:

Мчись же быстрее, летучее время!
Душно под новой броней мне стало!
Смерть, как приедем, подержит мне стремя;
Слезу и сдерну с лица я забрало. (Лермонтов 1937)

В сатирическом «Сне Попова» А.К. Толстого (1873) в речи либерального министра все три рифмы уже, видимо, означают ее внутреннюю банальность и некоторую речевую гладкость, если не болтливость. *Бремя* старого *времени* сменяется неправильно используемой министром идиомой из языка средневековых воинских повестей *вступить в стремя* (т.е. отправится в поход), за которой следуют еще два фразеологизма:

Прошло у нас то время, господа –
Могу сказать: печальное то время –
Когда наградой пота и труда
Был произвол. Его мы свергли бремя.
Народ воскрес – но не вполне – да, да!
Ему вступить помочь должны мы в стремя,
В известном смысле сгладить все следы
И, так сказать, вручить ему бразды. (Толстой 1969, 427)

Скорость времени станет одной из важных тем в литературе начала XX в. В идеологии футуристов она занимала центральное место. В стихотворении Н. Асеева «Граница» ассоциация времени и коня уже требует некоторого остранения. В нем поэт, заявляет, как написал Хлебников по поводу этих строк, «со сдержанной гордостью» (Хлебников 2005, 259):

Светись о грядущей младости
Еще не живое племя...

О, время! Я рад, что я достиг
Держать тебе нынче стремя. (Асеев 1923, 49)

Поскольку статья Хлебникова «Ляля на тигре» (1916) на самом деле представляет собой манифест Юношей Земного Шара, очевидно, что с ними он и ассоциировал племя «мозгопашцев». В стихотворении Северянина «Дель-аква-тор» та же ассоциация определяет торопливость героя: «Довольно мук – их искупило время... / Твой взор смущен... / Коня, коня! огнистей ногу в стремя, – / Ведь ты прощен» (Игорь Северянин 1913, 84). Поэтому Ахматова в конце жизни грозно свидетельствовала по поводу всей этой традиции ускорения (исторического) времени: «Даль рухнула и пошатнулось время, / Бес скорости стал пяткою на темя / Великих гор и повернул поток, / Отравленным в земле лежало семя, / Отравленный бежал по стеблям сок. / Людское мощно вымирало племя, / Но знали все, что очень близок срок» (1959) (Ахматова 1986, 360)¹³.

Онлайновый конкорданс к лирике Тютчева предоставляет возможность проанализировать его тактику относительно нашей десятки (<http://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/freq/l.html>). Мы видели, что, например, для Пушкина центральное место в ней занимает слово *время*. Совершенно по-иному ситуация складывается у Тютчева, подтверждая лишний раз замеченное в науке противостояние этих двух поэтов. Из стихотворения, посвященного А.А. Суворову, который успешно подавлял польское восстание:

Кто всю ответственность, весь труд и бремя
Взял на себя в отчаянной борьбе
И бедное, замученное племя,
Воздвигнув к жизни, вынес на себе (Тютчев 1987)

Рифма у Тютчева, что не редко у него, семантизирована, ср.:

И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло! («Бессонница», 1829, Тютчев 1987)

В стих. «Листья» тоже появляется рифма *племя* (листьев)/*время*. Идеологически мотивирована она в панславистском стихотворении «Славянам («Привет Вам задушевный, братья...»), 1867):

Опально-мировое племя,
Когда же будешь ты народ?

¹³ Оба приводимых нами стихотворения Ахматовой не учтены Бабакиным, так как *семя* в его перечислении рифм отсутствует (Бабакин 2003а, 72).

Когда же упразднится время
Твоей и розни и невзгод (Тютчев 1987)

В том же ракурсе он писал по поводу лекции Мисникеевича (стих. «Eipitre a l'Apotre», 1842):

Мы чуем свет – уж близко время –
Последний сокрушен оплот, –
Воспрянь, разрозненное племя,
Совокупись в один народ (Тютчев 1987)

Таким образом, именно *племя* у Тютчева стоит в центре, поскольку с ним рифмуются остальные слова из списка. Основные случаи с ним в рифменной позиции уже рассмотрены выше (есть еще одно стихотворение, перевод из Гейне, но это былые стихи). Вот последний случай, где слово *племя* находится внутри знакомой идеологемы «племя славян», а рифма к нему также смысловая:

И вражды безумной семя
Плод сторичный принесло:
Не одно погибло племя
Иль в чужбину отошло. («К Ганке», 1841, Тютчев 1987)

Кстати, это единственный, когда Тютчев использовал слово *семя*, а *темя* вообще ни разу не было им поставлено на конец стиха. Интересно, что *племя* встречается у Тютчева в лирике семь раз и все семь – в рифменной позиции, тогда как из двадцати одного случая использования слова *время* на конец стиха выпадает только пять случаев. Обратим также внимание на процитированное выше выражение *замученное племя* из стихотворения к Суворову – в силу его близости к выражению *измученное темя* у Мандельштама. Последний случай касается увлекательного вопроса устойчивых сочетаний с рассматриваемыми словами, образующихся внутри литературной традиции – но его рассмотрение мы оставим на будущее. Скажем лишь, что с лингвистической точки зрения использование этих сочетаний может считаться своего рода функциональной грамматикой, подобно избеганию слова *вымя*.

Само выражение «поэзия грамматики» ассоциируется в первую очередь с работами Р.О. Якобсона, несмотря на то, что эту точку зрения пытались скорректировать, добавив Г.О. Винокура в качестве независимого создателя сходной концепции «поэтической грамматики» (Шапир 1987, 221–236). Самая известная из статей Якобсона, «Грамматика поэзии и поэзия грамматики» (1960), как известно, стала финальным пунктом расхождений между ее автором и В.Б. Шкловским. Последний написал ответ («расплевались навеки» – запомнил Н. Харджиев реакцию на него Якобсона, см.: Галушкин 1999, 141), который начал с ана-

лиза параллелизма в заглавии работы друга-врага, поскольку грамматическому параллелизму была посвящена первая подглавка статьи Якобсона (позже он написал специальную работу «Grammatical Parallelism and its Russian Facet», 1965). Этот параллелизм, по мнению Шкловского, «обещает нам, что поэзия грамматики объяснит грамматику поэзии. Может быть, в нем утверждается, что язык, его структура рождает грамматику поэзии» (Шкловский 1970, 234). В нашей статье мы коснулись именно последнего случая.

Адрес электронной почты автора: gennadi.obatnin@helsinki.fi

Список литературы

- Аксаков, К. [s.a.]. *Воспоминания студентства 1832–1835 годов*. СПб.: Огни.
- Аксаков, К. 1855. *О русских глаголах*. М.
- Аксаков, К. 1860. *Опыт русской грамматики*. М. Ч. 1.
- Асеев, Н. 1923. *Избрань. Стихи 1912–1922*. М.; Л.
- Ахматова, А. 1996. *Записные книжки (1958–1966)*. М.; Torino.
- Ахматова, А. 1986. *Сочинения: В 2-х тт.* Вступ. ст. М. Дудина. Сост., подг. Текста и коммент. В.А. Черных. М.: Художественная литература. Т. 1.
- Бабакин, А. 2003а. *Словарь рифм Анны Ахматовой*. Тюмень: Ю. Мандрика.
- Бабакин, А. 2003б. *Словарь рифм Владимира Маяковского*. Тюмень: Ю. Мандрика.
- Бабакин, А. 2002. *Словарь рифм Беллы Ахмадулиной*. Тюмень: Ю. Мандрика.
- Бабакин, А. 2004. *Словарь рифм Бориса Пастернака*. Тюмень: Ю. Мандрика.
- Бабакин, А. 2000а. *Словарь рифм Евгения Евтушенко*. Тюмень: Ю. Мандрика.
- Бабакин, А. 1998. *Словарь рифм Иосифа Бродского*. Тюмень: Ю. Мандрика.
- Бабакин, А. 2000б. *Словарь рифм Марины Цветаевой*. Тюмень: Ю. Мандрика.
- Бабакин, А. 2005. *Словарь рифм Осипа Мандельштама*. Тюмень: Ю. Мандрика.
- Бакунина, Е. 1931. *Стихи*. Париж.
- Белый, Андрей. 2006. *Стихотворения и поэмы*. Вступ. ст., сост., подг. текста и прим. А.В. Лаврова и Джона Малмстада. СПб.; М.
- Блок, А. 1927. *Письма к родным*. Л.
- Вега, Лопе де. 1938. *Собака на сене*. Пер. М. Лозинского, вступ. ст. Ю. Спасского. М.
- Винокур, Г.О. 1943. *Маяковский – новатор языка (1943)*. München, 1967 (Slavische Prosa Bd. 34).
- Винокур, Г.О. 1959. Пушкин и русский язык (1937). В кн. Винокур, Г.О., *Избранные работы по русскому языку*. М.
- Востоков, А. 1831. *Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной Грамматики полнее изложенная*. СПб. Галушкин, А.Ю. 1999. Еще раз о причинах разрыва В.Б. Шкловского и Р.О. Якобсона. В кн. *Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования*. М.
- Гин, Я.И. 1992. *Поэтика грамматического рода*. Петрозаводск.
- Гиппиус, В. 1916. *Вл. Нелединский. Томления духа*. СПб.
- Глазунов, И. 1837. *Тетради русской грамматики для начинающих, сост. по поручению начальства иждивением Ильи Глазунова*. СПб.
- Греч, Н. 1860. *Замечания на книгу: Опыт русской грамматики Константина Аксакова. Часть. I – Выпуск первый*. СПб.: Типогр. Н. Греча. Греч, Н. 1843. *Ключ*

- к решению задач, содержащихся в *Руководстве к изучению русской грамматики Н. Греча*. СПб.
- Греч, Н. 1834. *Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем*. СПб.
- Горшкова, К.В. & Хабургаев, Г.А. 1997. *Историческая грамматика русского языка*. М.
- Гумилев, Н. 1988. *Стихотворения и поэмы*. Л.: Советский писатель.
- Державин, Г. 1957. *Стихотворения*. Вступ. ст., подг. и общ. ред. Д.Д. Благого, примечания В.А. Западова. Л.: Советский писатель.
<http://www.rvb.ru/18vek/derzhavin/toc.htm>
- Кантемир, А. 1956. *Собрание стихотворений*. Вступ. ст. Ф.Я. Приймы. Подготовка текста и примечания З.И. Гершковича. Л.: Советский писатель.
<http://www.rvb.ru/18vek/kantemir/toc.htm>
- Карамзин, Н. 1966. *Полное собрание стихотворений*. Вступ. ст., подг. текста и прим. Ю.М. Лотмана. Л.: Советский писатель.
<http://www.rvb.ru/18vek/karamzin/1bp/toc.htm>
- Лейбов, Р. & Степанишева, Т. & Фрайман, И. 2008. Рифменное клише как аргумент в идеологических спорах: к истории одной русской рифмопары. В кн. *И время, и место. Историко-филологический сборник к 60-летию Александра Львовича Ошовата*. М.: Новое издательство.
- Лермонтов, М. 1937. *Полное собрание сочинений: В 5 т.* Ред. текста, коммент. и предисл. Б.М. Эйхенбаума, подг. текстов Б.М. Эйхенбаума и К.И. Халабаева. М.; Л.: Academia. Т. 2. <http://feb-web.ru/feb/lermont/default.asp>
- Лилли, Иэн К. 2006. История одной русской рифмы: 'любовью' – 'изголовью'. В кн. *Стих. Язык. Поэзия. Памяти Михаила Леоновича Гаспарова*. М.
- Лозинский, М. 1916. *Горный ключ*. М.: Альциона.
- Ломоносов, М. 1755. *Российская грамматика Михаила Ломоносова*. СПб. (Fotomechanishcer Neudrucker Originalsgabe 1755. Leipzig, 1975).
- Мандельштам, О. 1989. *Избранное*. Сост., предисл. и примеч. Павла Нерлера. Таллин: Ээсти раамат.
- Маяковский, В.В. 1958. *Полное собрание сочинений*. М. Т. 10.
- Маяковский, В.В. 1957. *Полное собрание сочинений*. М. Т. 5.
<http://feb-web.ru/feb/mayakovsky/default.asp>
- Мейлах, М. 1998. Еще о «грамматике поэзии» Александра Введенского. В кн. *Полотропов. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова*. М.
- Набоков, В. 2000. *Собрание сочинений русского периода в 5 тт.* СПб. Т. 4.
- Недоброво, Н. 2001. *Милый голос. Избранные произведения*. Томск.
- Некрасов, Н. 1865. *О значении форм русского глагола*. СПб.
- Норман, Б.Ю. 2005. Псевдовысказывания: эксперимент или языковая игра? *Studia Slavica*, X.
- Обратный словарь русского языка. Около 125 000 слов*. М., 1974.
- Олейников, Н. 2000. *Стихотворения и поэмы*. Вст. ст. Л.Я. Гинзбург. Биогр. очерк, сост., подг. текста и примеч. А.И. Олейникова. СПб.: Академический проект.
- Охотин, А. 1846. *Уроки русской грамматики*. СПб.
- Очеретянский, Александр & Янечек, Джеральд. 1995. *Антология авангардной эпохи. Россия. Первая треть XX столетия*. Нью-Йорк, СПб.
- Павский, Г. 1887. *К истории русской грамматики. Критические грамматические заметки Г.П. Павского на 1-е изд. Русской грамматики Греча*. Воронеж.
- Павский, Г. 1842. *Филологические наблюдения над составом русского языка. Второе рассуждение. Об именах существительных*. СПб.

- Павский, Г. 1850. *Филологические наблюдения над составом русского языка. Второе рассуждение. А. Отделение первое. Об именах существительных.* СПб.
- Пушкин, А. 1937–1959. *Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т.* М.; Л.: Изд-во АН СССР. <http://feb-web.ru/feb/pushkin/default.asp>
- Ривин, А. 1989. «Забытый поэт». Стихи Александра Ривина. Публикация Г.А. Левинтона. *Звезда*. 11.
- Игорь Северянин, 1913. *Громокипящий кубок.* М.
- Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков).* Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
- Саша Соколов, 1990. *Школа для дураков.* М.
- Толстой, А. 1969. *Собрание сочинений: В 4-х тт.* М. Т. 1.
- Тютчев, Ф. 1987. Полное собрание стихотворений. *Сост., подгот. текста и примеч. А.А. Николаева.* Л.: Сов. писатель.
- Успенский, В.А. 2002. Невтón – Ньютón – Ньютон, или Сколько сторон имеет языковой знак? В кн. Успенский, В.А. *Труды по НЕматематике.* С приложением семиотических посланий А.Н. Колмогорова к автору и его друзьям. М.Т. 1.
- Хлебников, В. 2005. *Собрание сочинений.* М. Т. 6. Кн. 1.
- Шапир, М.И. 1987. «Грамматика поэзии» и ее создатели (Теория поэтического языка у Г.О. Винокура и Р.О. Якобсона). *Известия РАН. Серия литературы и языка.* 46 (3).
- Шведова и др. (ред.) 1980. *Русская грамматика.* М. Т. I.
- Шкловский, В.Б. 1970. О статье Романа Якобсона «Поэзия грамматики и грамматика поэзии». Новые следы. В кн. Шкловский В.Б. *Тетива. О несходстве сходного.* М.
- Яковлева, Н. 2007. Богема и ее герои в русской литературе. В кн. *Varietas et Concordia. Essays in Honour of Professor Pekka Pesonen On the Occasion of his 60th Birthday.* Helsinki.
- Gasparov, Boris M. 1984. Gasparov. The Language Situation and Linguistic Polemic in Mid-Nineteenth-Century Russia. В кн. Riccardo Picchio and Harvey Goldblatt (ed.), *Aspects of the Slavic Language Question.* New Haven.
- Jakobson, Roman 1979. К лингвистическому анализу русской рифмы. В кн. Jakobson, Roman. *Selected Writings.* Vol. V. The Hague; Paris; New York.
- Shaw, J. Thomas. 1975a. *Baratynskii. A Dictionary of the Rhymes and A Concordance to the Poetry.* Madison: University of Wisconsin Press.
- Shaw, J. Thomas. 1975b. *Batiushkov. A Dictionary of the Rhymes and A Concordance to the Poetry.* Madison: University of Wisconsin Press.
- Shaw, J. Thomas. 1974. *Pushkin's Rhymes: A Dictionary.* Madison: University of Wisconsin Press.